

INSPIRIA

Ава Хантер

Украица сердце

18+

INSPIRIA

Ава Хантер

Укрощая сердце

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73844688
Укрощая сердце / Ава Хантер : Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-245262-8

Аннотация

«Йеллоустоун» со счастливым финалом

Готова ли ты рискнуть сердцем, которое может остановиться в любую секунду?

Руби приехала в Монтану не за любовью. Она сбежала, чтобы провести лето на своих условиях. Три месяца свободы, без жалости, больниц и слов «тебе нельзя». Среди пыльных дорог, подсолнухов и бесконечного неба она хочет быть обычной девушкой. Смеяться, злиться, жить на полную. Даже если сердце не выдержит.

Чарли Монтгомери не верит в любовь. После трагедии он закрыл свое сердце так же надежно, как ворота ранчо от чужаков. Руби для него – слишком яркий свет, а он для нее – неприступная скала. Их тянет друг к другу с непреодолимой силой, но сближение опасно. Когда чувства выходят из-под контроля, приходится выбирать: спрятаться в безопасном одиночестве или довериться страсти, способной исцелить обоих.

«Мой ковбой. На всю жизнь только мой. Влюбиться в него стало лучшим шагом, на который отважилось мое сердце».

Для поклонников Девни Перри и Элси Сильвер, которые ищут историю, где на кону не просто разбитое сердце, а каждый его удар.

Содержание

Плейлист	7
Руби	9
1. Руби	17
2. Чарли	27
3. Чарли	46
4. Руби	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Ава Хантер

Укрощая сердце

Ava Hunter

Tame The Heart

Copyright © 2023 Ava Hunter

Фото автора © Ava Hunter

© Барзыкина Е., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Городам Биллингс, Ред-Лодж, Кук-Сити, Дани-Сентер, Теллурид, Дедвуд и всем остальным, что сформировали меня как личность

*«Скажи мне, что ты собираешься делать со своей единственной, дикой и драгоценной жизнью?»
– Мэри Оливер*

Плейлист

Oh Sarah | Sturgill Simpson

Paradise | John Prine

Actin' Up | Miranda Lambert

Wasted on You | Morgan Wallen

Aw Naw | Chris Young

You Are in Love | Taylor Swift

Dirty Looks | Lainey Wilson

Wishful Drinking | Ingrid Andress & Sam Hunt

Bluebird | Miranda Lambert

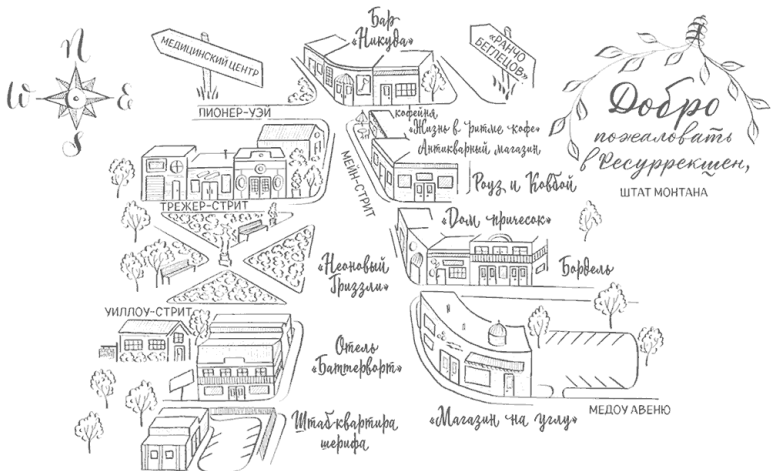
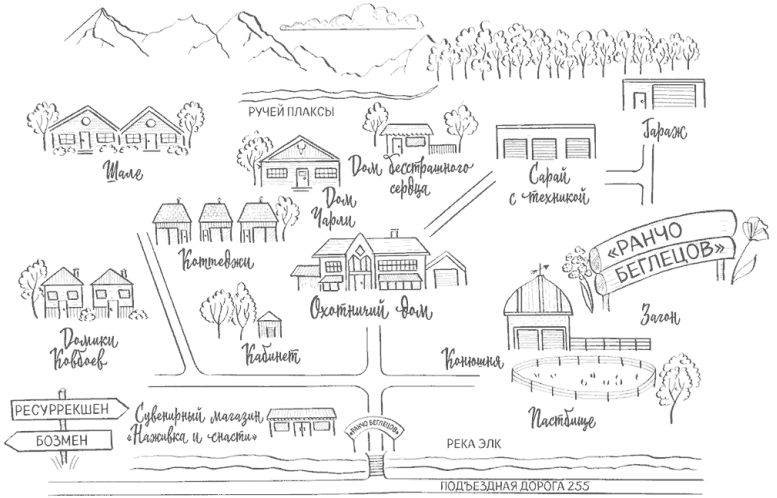
Way of the Triune God | Tyler Childers

Sun to Me | Zach Bryan

Slow It Down Cowboy | Anna Bates

Sleeping on the Blacktop | Colter Wall

Life Ain't Fair and the World is Mean | Sturgill Simpson

Руби

Цветы и солнце – вот радости, что были в моей жизни. И еще людские сердца.

Особенно мое. Дикое, необузданное, которое прямо сейчас билось со скоростью сто восемьдесят ударов в минуту.

Может, это было нормальное его состояние, а может – реакция на занос, в который стремительно летела моя машина. Наверное, и то и другое. Похоже, дни рождения всегда преподносят поток ужасных и безумных сюрпризов разом.

Руль намертво стиснут в руках, глаза зажмурены от страха. В голове эхом отдается визг шин, безуспешно цепляющихся за мокрый асфальт. Круг за кругом, как на бешеном аттракционе диско. Содержимое желудка подкатило к горлу, а сердце застучало в ушах целой канонадой выстрелов. И вот мой желтый «жук» с хрустом сминаемого металла впечатывается в фонарный столб... Вот и все.

Открыла глаза – вся улица осталась без света.

В ужасе я поняла, что меня вынесло напрямиком к «Цветам Блумов» – нашему семейному магазину с белыми ставнями.

Нет, нет, нет! Только не это!

После такого они мне и шагу ступить не дадут самостоятельно.

«Береги себя», – сказал мне папа, когда я выходила сегодня из дома. Эти бесконечные «будь осторожна», «аккурат-

но», «береги себя» и никогда «иди повеселись».

Макс, мой старший брат, говорил, что папа просто беспокоился обо мне. Я же называла это гиперопекой.

Воздух, мне срочно нужен был воздух. А лучше – спасательная шлюпка, чтобы побыстрее уплыть отсюда, или потайной ход – спрятаться от всего города, который вот-вот должен был сбежаться к машине. Я открыла дверцу и выпала на мокрый асфальт. Крыло всмятку. Из-под капота валил дым. Вся приборная панель в клубничном молочном коктейле – черт, я даже притронуться к нему не успела. Дождь лил стеной. Его капли приятно били по лицу. Распластаться бы на земле и просто лежать, слушать их размеренный стук.

Не прошло и пары секунд, как отец с братом вылетели из магазина с выражением ужаса на лицах. У папы в руке садовые ножницы, значит, я отвлекла его от любимого занятия – «колдовства» над розами.

Черт. Они и слушать не станут оправдания.

Для них все дело всегда в моем сердце.

Нет, ну а в чем еще?

Краем глаза я заметила пушистый рыжий хвост, нырнувший в кусты справа. Выдавила едва заметную улыбку. Значит, все не зря.

– Руби!

Отец и брат уже подлетели ко мне, бросились осматривать, ощупывать. Личное пространство? Нет, не слышали.

– Руби Джейн, ты цела? – хорошо знакомым трагическим

тоном крикнул Тед Блум, так что внутри у меня все сжалось. Как обычно, он окликнул меня по полному имени, словно нарочно, чтобы напомнить о маме, Джейн.

Я прислонилась к машине, убрала волосы с глаз и с улыбкой на лице ответила:

– Пап, все нормально. – Терпеть не могу, когда он волнуется. Каждый раз как ножом по сердцу. Стоило попытаться убедить его, что со мной все в порядке. – Смотри, целехонька. Ни царапинки.

– Мы сейчас же едем в больницу, – заявил папа, обхватив меня за плечи.

Я отрицательно помотала головой, глядя на его усеянное морщинами лицо:

– Больше никаких больниц. – Какой же уставший взгляд был у отца. – Я цела. Клянусь.

Голубые глаза Макса сузились, он с недоверием сощурился: «Опять трепет в сердце?» Так мы называем между собой мои сердечные приступы, сопровождающиеся обмороками.

Всякий раз, когда мое сердцебиение учащалось, тело наполнялось адреналином. По итогу – обморок. В этом году у меня был только один такой обморочный случай. Пускай я и ходила по тонкому льду, но еще не достигла той стадии, когда ежедневно теряла сознание в душе или за рулем.

– Не дожدهшься! – ответила я брату, хлопнув его по руке.

– Ну а что произошло?

– Я резко дернула руль, чтобы не задавить белку.

На лице брата отразился ужас, сменившийся отвращением.

– Рубс, боже правый.

Прозвучало так, как будто спасти жизнь беспомощным животным – что-то постыдное. Я вытянула шею в надежде снова разглядеть рыжий хвост. Черный дым из-под капота поднимался в небо.

Ну и ну. Хоть будет что вспомнить.

– Макс, машине конец?

– Машине? Тебя сейчас серьезно волнует машина? Ты могла погибнуть! – Голос Макса был похож то ли на шипение, то ли на нервный шепот. Наконец и до меня дошло.

А ведь и правда – я могла сегодня погибнуть.

– Действительно, – беззаботно отреагировала я, – могла.

Вот неловко бы вышло.

Брат посмотрел на меня как на помешанную. У отца вены вздулись на висках – наша семейная черта. Такой вид, словно сейчас удар хватит.

На мое счастье, эту неловкую сцену прервала миссис Хестер, моя престарелая спасительница, которая вышла из магазина с вопросом, почему ее лилейники так быстро вянут. Разборок было не избежать.

Если бы брат с отцом не стояли рядом, я бы попыталась их успокоить, отправив в наш семейный чат смайлик с ангелочком. А сейчас я едва могла разобрать их голоса на фоне недовольного шума собравшейся толпы, по моей вине остав-

шейся без света.

Тогда я запрокинула голову и вдруг заметила на дереве ту самую белку. Виновница аварии сидела себе спокойненько вместе с пушистой подружкой и беседовала с ней на своем зверином. Слезы хлынули из глаз.

Такая глупость, но я почему-то расчувствовалась.

Даже у несчастной белки была своя жизнь, а у меня нет.

Наверняка у нее был лучший друг, а может, и вторая половинка. А у меня ни того, ни другого.

В голове эхом пронеслись слова брата: «Ты могла погибнуть».

Могла.

Это не новость.

Вот встретила бы с Богом и что бы я сказала ему?

За что из прожитой жизни я была ему благодарна?

«Я, Руби Блум, благодарю тебя, Господи...» За жизнь по расписанию? За то, что моим любимым занятием было сбегать из-под семейного надзора? За то, что моя жизнь состояла из четкого плана, порядка, безопасности, овощей и зелени, овсянки, больниц, лекарств и обмороков?

За работу в элитном турагентстве, ведение его страничек в соцсетях, леж в мягкой кроватке? Я за пределы Индианы-то ни разу не выезжала.

Всего раз в жизни была с мужчиной – тот пыхтел на мне как паровоз, а в конце я чуть не потеряла сознание от его диких рыков.

А вдруг все мужчины в постели такие? Но откуда мне знать что-то о хорошем сексе. Ни о какой страсти речи не шло. Я даже оргазма никогда не испытывала. Да что уж там, ни разу в жизни ни в кого не влюблялась.

Я моргнула. Такие мысли всегда как снег на голову. А ведь все могло сложиться иначе...

А вдруг мне жить осталось всего два года? Умру, так и не пожив по-настоящему?

Вдруг никогда не встречу свою любовь? Никогда не займусь хорошим сексом?

Вслед за бешеным потоком мыслей заколотилось сердце, еще чуть-чуть – и грозило вылететь из груди.

Я закрыла глаза и попыталась представить себе его «полет». Но куда бы оно помчалось? А что делать мне?

Я так долго считала себя счастливой. А на деле была лишь счастлива в своем несчастье...

Всю жизнь провела как примерная дочка, но жить правильно оказалось так... неправильно, что ли. Так грустно. Скучно.

Мир такой большой и прекрасный, но вся его красота проходила мимо меня.

Из груди вырвался сдавленный писк. Перехватило дыхание, как при панической атаке.

И тут я наконец поняла.

В отличие от остальных, я не боюсь смерти.

– Руби? – откуда-то издалека послышался голос Макса.

– Сегодня ведь мой день рождения.

– Рубс, ты думала, мы забыли? – Брат нахмурился. – В магазине тебя ждет торт. Правда, он уже начал таять в тепле. Да я сама была как этот торт.

На улице было жарко, душно, несмотря на дождь. Отец держал в руке телефон. А вот и сирена скорой. Так хотелось свернуться калачиком и... замереть. Но не навсегда. Умирать снова я точно не собиралась. Хватит на сегодня. Я словно тонула в море. Море экзистенциального отчаяния. Оставьте меня.

Дайте мне спокойно жить. Просто жить.

– Рубс, ты чего? – спросил брат.

Оттолкнувшись от машины, я улеглась прямо на мокрый асфальт, раскинув руки в разные стороны. Грубая щебенка врезалась в кожу, а сверху лил дождь, проникая под одежду, пробирая до костей.

Я прижала палец к вене на шее – проверить пульс. Как человек с СВТ¹, я умела четко отслеживать сердечный ритм. Сердце стучало, отбивая такт:

Жить. Жить. Ты еще будешь жить.

– Черт... – Макс навис надо мной, запустив руки в копну лохматых светлых волос с таким усилием, будто хотел выдрать их с корнем. Какие у него нежно-голубые глаза – как

¹ СВТ – суправентрикулярная тахикардия, заболевание сердца, один из видов аритмии, при котором наблюдается резкое увеличение частоты сердечных сокращений и сохранение патологического ритма в течение некоторого времени. (Здесь и далее – примечания переводчика, если не указано иное.)

у меня, как у нашей мамы. – Где болит?

Я наблюдала за белкой, с громким цокотом усевшейся на верхней ветке дерева. Солнце светило все ярче. Ослепляло. А голос брата эхом звенел в ушах. Краем глаза я посмотрела на свои волосы – светлые, с розоватым оттенком. От дождевой воды они стали грязно-бурыми.

Сердце стучало все быстрее.

Положив ладонь на грудь, я тяжело вздохнула:

– Везде.

1. Руби

Месяц спустя

Нужно было подать признаки жизни и позвонить брату.

Я припарковала свой новенький «Бьюик Скайларк» – зверь, а не машина, – на заправке и прошла по пыльной площадке к телефонному автомату, стоявшему там годов с семидесятых. Мобильный лежал в кармане, но был свой шарм в звонках по городскому телефону.

Я только закончила последнюю смену в «Рите», мексиканской кафешке в центре Уинслоу, Аризона. Обычная работа официантки, но с хорошими чаевыми и без нервотрепки. Я по-прежнему вела аккаунты турагентства в соцсетях, но работа на ногах была мне больше по душе. В таких местах, как бары и закусочные, свободные руки всегда нужны, и если я могла пригодиться, то почему нет. Да и потом, отличный способ развеяться, сменить обстановку.

Вот уж что-что, а долго сидеть на одном месте я не собиралась.

Спустя неделю после того, как я чуть не прикончила белку и себя вместе с ней, я в последний раз сходила к кардиологу и покинула Индиану. И за прошедший месяц увидела больше, чем, кажется, за всю свою жизнь. Набила маленькую татуировку в виде сердечного ритма на безымянном пальце

в Чарлстоне. Потанцевала на параде «Второй линии»² в Новом Орлеане. Увидела домики на сваях в Галвестоне и попробовала самый вкусный в своей жизни лаймовый пирог в Ки-Уэсте.

Впервые за двадцать шесть лет я ощущала себя живой.

Мне словно удалось залатать дыру внутри себя, о существовании которой я и не подозревала.

Я жаждала жизни, любила ее дико, яростно. И хотела увидеть больше. Увидеть все. Отправиться на поиски приключений.

Иногда – и я никогда не признаюсь в этом Максу – я понимала, что не хочу возвращаться домой.

Хочу бежать дальше. Без остановки.

Я как раз собиралась бросить монетку в телефонный автомат, когда мимо прошел мужчина в рваных джинсах и пыльной ковбойской шляпе. Он коснулся полей шляпы в знак приветствия. Обветренное загорелое лицо избородили морщины, придавая ему мудрости и даже притягательности.

Очарованная видом мужчины, я улыбнулась и помахала ему рукой. Сжала под мышкой карту, купленную на заправке, сняла липкую трубку и набрала номер, который знала наизусть.

– Возвращайся домой, – резко бросил Макс вместо при-

² «Вторая линия» – часть культурной джазовой традиции Нового Орлеана, связанной с уличными шествиями и парадами. В отличие от «Первой линии», в которой идут профессиональные музыканты, ко «Второй» могут присоединиться все желающие.

ветствия.

У меня вызвало улыбку то, как мило брат пытался уговорить меня.

– Ни за что.

– Где ты?

– Ты знаешь, я не скажу. Девчачьи секреты.

Не то чтобы отец или брат имели право насильно вернуть меня домой, если бы они меня нашли. Я была взрослым человеком, в здравом уме и твердой памяти, однако же семья обладала невероятной способностью внушать мне чувство вины. Поэтому я предпочла сохранить свое местонахождение в секрете.

Без меня отец и брат могли вернуться к собственной жизни. Больше никаких переживаний, никакого навязчивого контроля. Да, они желали мне добра и хотели меня защитить, но быть вдали от них все равно что груз с плеч. Я наконец могла жить.

И они тоже.

Макс глубоко вздохнул. Закрыв глаза, я прислонилась лбом к стеклу.

Мне не победить. Никак. Хоть дома, хоть вдали от него, я все равно причиняю близким боль.

В голосе брата промелькнула тень:

– Я волнуюсь.

Я спешно попыталась успокоить его:

– Не стоит. У меня есть перцовый баллончик. И ты пре-

красно знаешь, что у меня не было приступов с января. Я пью таблетки и каждую неделю созваниваюсь с доктором по видеосвязи. Видишь, веду себя как послушная девочка.

Я ненадолго отвлеклась на роскошный черный «Кадиллак», который проехал мимо по парковке.

– Макс, я не собираюсь слетать с катушек. Я собираюсь жить.

И плевать на последствия.

– А если тебе станет плохо? Кто тебе поможет?

– Найду горячего ковбоя и попрошу его сделать искусственное дыхание.

– Верится с трудом.

Мрачный взгляд Макса чувствовался через трубку. Зря он так переживал. Я уже научилась распознавать тревожные сигналы тела. Например, пот градом, бешеный стук сердца, одышка, пульсирующие толчки на шее и в груди. Чтобы избежать обмороков, нужно следовать маленьким правилам, которые диктовал мне организм. Аккуратно с алкоголем, с кофеином и с физнагрузкой.

Чрезмерный стресс, усталость, нагрузка – в лучшем случае обморок.

В худшем – остановка сердца.

– Где ты работаешь?

– Официанткой в кафе.

– Смотри не переусердствуй, чтобы сердце не разорвалось.

Я закатила глаза. В отличие от папы и брата, меня смерть не пугала. Да и злиться на сердце смысла не было.

С момента постановки диагноза меня окружали одни запреты. Никаких велосипедов во дворе с ребятами. Пришлось бросить любимые занятия танцами. А все потому, что отец и брат переживали, а *если вдруг*. Но они не думали, как это отразится на мне. Думали, что поступают как лучше, ради меня и моего здоровья. Я прожила всю жизнь, не зная, на что я способна. Не зная, кто я такая.

А теперь это моя судьба. Мой выбор. Моя ответственность за все *«если вдруг»*.

Уж лучше самостоятельно разрушить свою жизнь, чем жить в страхе, что кто-то или что-то отнимет ее у меня.

Правила у меня были не только для сердца, но и для новой жизни. В дневнике я вела список желаний и постоянно дополняла его новыми пунктами. Пока Макс перечислял минусы моей поездки, я записывала прямо на стекле телефонной будки все плюсы, все маленькие мечты, которые планировала осуществить в путешествии по стране.

Список желаний Руби Блум (которые правда нужно выполнить!):

1. Набить татуировку.
2. Заняться сексом. Хорошим сексом.
3. Не спать всю ночь и встретить рассвет.
4. Увидеть закат в Калифорнии.
5. Поплывать в Тихом океане.

«Соглашайся. Соглашайся на все, ты слишком долго жила в запретах», – говорила я себе.

На все, кроме любви.

В любви я была непостоянна. И никому не могла позволить полюбить себя. Я видела на примере родителей, к чему это приводит.

Я бережно погладила изящный серебряный браслет с опалами на запястье – самый дорогой подарок, что достался мне от мамы. Она сделала его сама: украсила по краям камнями, в которых запечатлелись и небо, и океан, и песок; обработала серебро, чтобы оно стало похоже на водную рябь. Это было в те времена, когда мама была красивой и бедной художницей в Малибу, за одно лето до того, как она без памяти влюбилась в моего отца и его сиреневые розы.

Ворчание Макса выдернуло меня из воспоминаний:

– Я хочу, чтобы ты вернулась домой.

Я показала язык своему отражению в стекле.

– Макс, это моя жизнь. Не отнимай ее у меня.

– Рубс, господи. – В его голосе послышалось раздражение. – Я не пытаюсь отнять ее у тебя. Только хочу, чтобы ты была в безопасности. Рядом с нами.

– Я и буду рядом, – сказала я. В груди защемило. – Еще надоем тебе, когда вернусь домой, чтобы надрать твою костлявую задницу.

В трубке раздался смех:

– И когда ты вернешься?

– Уже соскучился? – спросила я, наблюдая за мистером Ковбойская Шляпа, который вышел из магазинчика с ледяной бутылкой колы. Он подошел к колонке, открыл бутылку и стал жадно пить, одновременно заливая бензин в бак.

– Да нет же. Просто терпеть не могу твою часть работы.

Когда я отучилась на маркетолога в университете, то начала вести странички семейного бизнеса в соцсетях. И с парочки подписчиков дошла до добрых пяти тысяч.

На фоне слышались удары по клавиатуре.

– Я все в толк не возьму, как ты это делаешь. Столько шума, но это ведь всего-навсего цветы.

– Это не просто цветы, Макс, – сказала я, не в силах сдержать улыбку. Цветы безобидные. Добрые. Но могут уколоть, если их обидеть. – И вообще, взгляни на это с другой стороны.

Во всем можно найти светлую сторону. Даже в моем положении, даже когда всякие уроды оставляют злые комментарии. В этом тоже есть плюсы. И это тоже можно пережить.

– Дам тебе совет. Игнорируй троллей в соцсетях. Улыбайся им назло.

Живи. Найди девушку. Займись хорошим сексом.

– Ты знаешь, я не любитель улыбаться, – проворчал Макс. Потом, смягчившись, спросил: – Так, ну а что стало с твоим «подсолнухом» за время поездки?

Мне нравилась наша выдуманная цветочная игра.

– Хм-м... – Я решила не говорить ему о поездке на ме-

ханическом быке в Нэшвилле. – Видела водяного на ферме аллигаторов и в контактном зоопарке. Интересно и одновременно жутко.

– Да ну! – В голосе Макса послышалась улыбка. – Где это?
Я хмыкнула:

– Хорошая попытка. Мне пора. Люблю тебя. И папу. Передай ему.

Я повесила трубку и вышла из кабины. Облегченно вздохнув, вытянула руки и подставила лицо солнечным лучам, наслаждаясь их теплом. Мне нравился юго-запад страны. Его беспощадное солнце, пыль, пальмы на фоне голубого неба. Здесь я чувствовала себя живой. Мне нравилось носить короткие топы и шлепки – ходить почти раздетой. Быть дикой, свободной. Эти суровые земли не для всех, но я прожила здесь целую неделю и осталась жива.

Но что дальше?

Море или горы? Как выбрать?

Тут меня осенило.

– Извините, – сказала я, подлетев к Ковбойской Шляпе, который собирался выкинуть пустую бутылку. – Можно взять вашу бутылку, если она вам больше не нужна?

Он моргнул и приподнял поля шляпы, чтобы получше рассмотреть меня.

– *Сеньорита*, но это мусор.

– Да, но теперь это мой мусор.

С озадаченным видом он протянул мне бутылку. Я верну-

лась к машине, вприпрыжку от захлестнувшей меня радости, и развернула карту на нагретом солнцем капоте. Положила сверху бутылку и раскрутила ее.

Жизнь – это не игра, но и слишком серьезно к ней относиться не стоило. Я могла путешествовать и жить на полную и вместе с тем воплощать надежды и мечты.

«Знай меру», – не уставал повторять мне папа. «Следите за сигналами вашего организма. Вы же не хотите потерять сознание на беговой дорожке?» – предупреждал доктор Ли. «Ты и так повернутая, раз решилась на это», – сказал бы мне Макс. «У тебя есть все шансы прожить хорошую жизнь, несмотря на сердце, или же, напротив, прожить плохую из-за него же, – любила говорить тетя Джонни. – Так что, дорогуша, выбор за тобой».

И я выбрала хорошую жизнь.

Свою жизнь.

Сумочку, набитую таблетками, потрепанную карту, простенький недорогой сарафан, радость ведения списка желаний. Все это – составляющие несколько дикого, но удивительного приключения, о котором я и подумать не могла.

Бутылка остановилась.

И указала на север. Горлышко оказалось направлено на штат, от названия которого внутри у меня все перевернулось.

Сердце дрогнуло, а в душе зародилось знакомое чувство надежды.

Монтана. Горы.

Ковбойская Шляпа сделал шаг вперед, сощурился, и на его губах заиграла обольстительная улыбка. Он протянул свои солнцезащитные очки:

– Сеньорита, вам они пригодятся. Оторвитесь там.

Я взглянула в улыбающиеся глаза ковбоя, и мои собственные наполнились слезами благодарности. Обыкновенный пластик, в котором отразилась заправка, еще никогда не был таким прекрасным. Я прижала очки к сердцу:

– Спасибо вам.

В ответ он кивнул.

Усевшись в машину, я сделала глубокий и медленный вдох. Мама как-то при жизни, задолго до того, как ей посоветовали не рожать младшего ребенка – меня, – сказала: «Слушай свое сердце, пока не станешь с ним единым целым».

Ну что ж, мое сердце открыто.

И я собираюсь воспользоваться этим.

2. Чарли

Шлепки. Они надели гребаные шлепки.

Я уставился на туристок, двух светлоглазых блондинок, хихикавших в углу охотничьего дома. Они выбирали палки для трекинга из металлической подставки под зонтики. Местный плотник выстругал их из гладкой древесины, украсив каждую сверху фигуркой одного из пушистых лесных зверьков.

Девушки залились смехом.

Боже правый. Эти короткие шорты и тонкие топы едва ли подходили для хайкинга. Они даже не удосужились взять с собой воду. Да они помрут еще на подъеме.

Это действующее ранчо, а не какой-то модный глэмпинг.

Последней каплей стало, когда они нырнули в ледяное ведро с пивом для гостей. Класс. Теперь они еще напьются и упадут с какого-нибудь водопада.

Нужно было закрыть глаза. Сделать глубокий вдох через нос.

Да что здесь вообще творится. Ранчо открылось для туристов только на прошлой неделе, а гости уже слетали с катушек.

Я прислушался к болтовне и уловил только «ручей Плаксы» и «горячих ковбоев».

Парочка выбрала палки и пошла на выход.

Я взял рацию с пояса:

– Колтон.

– Да, босс. Чем могу помочь?

Я почесал бровь. Мы наняли Колтона в начале лета. Он только окончил школу и отчаянно искал работу. Мы приняли его моментально. Молодой и угодливый, он обладал достаточным запасом энергии для выполнения тех дел, за которые, кроме него, никто не хотел браться.

– Не называй меня боссом. – Если кто и заслуживал такого обращения, так это Дэвис, мой старший брат, который любил и умел командовать лучше меня. – У нас двое новеньких. Потасились в шлепанцах к ручью Плаксы.

Колтон хихикнул:

– Я присмотрю за ними.

– Спасибо, – ответил я и чуть погодя добавил: – И ради всего святого, отбери у них пиво.

– Все понял, Чарли.

– Звони, если что.

– Понял, принял.

Я переключил рацию на четвертый канал и убрал в кобур.

В большом зале махнул Тине, нашему менеджеру по работе с клиентами. Она была за стойкой, темные кудри раскачивались в такт, пока она приветливо обсуждала с группой из восьми туристов детали их бронирования.

Охотничий дом, или, как мы называли его, главный дом,

представлял собой пространство в пять тысяч квадратных футов³ в деревенском стиле. Гордость ранчо, воплощение духа Дикого Запада, с винтажными картинами с изображениями ковбоев на стенах, высокими потолками с балками и мягкими кожаными диванами. Центральную часть дома занимал большой холл, где гости могли отдохнуть или забронировать активности по душе.

По левую руку располагался «Бар М» со стульями, обитыми воловьей кожей, и лучшим дистиллятом в округе. Справа был вход в столовую, традиционный американский бар и сувенирный магазин. Но впечатление от охотничьего дома было бы неполным без огромных панорамных окон с видом на сосновый бор и осиновую рощу.

Я наблюдал за прибывавшими туристами. Летний сезон – горячая пора. Не самая моя любимая часть работы на ранчо, но надо же было как-то зарабатывать на хлеб. Я предпочитал осеннюю тишину.

Уединение.

Сайлас Крейг, наш шеф-повар, выскочил из кухни, как только увидел меня у центрального входа:

– Привет, Чарли.

Я кивнул в ответ:

– Что сегодня в меню, шеф?

Вся еда подавалась в столовой в формате шведского стола, за исключением ужина у костра в вечер перед отъездом.

³ 5000 квадратных футов – около 460 м² (прим. ред.).

– Тушенная говядина. Кукурузный хлеб. Сморы⁴ на десерт. Ну знаешь, все как любят приезжие. – Сайлас вытер татуированную руку о передник и усмехнулся. – Занести тебе до- мой ужин сегодня?

– Если не трудно, – ответил я. Все же были свои плюсы в собственном шефе на ранчо. Можно было забыть о готовке на целое лето.

Хорошие ребята. Все. Независимо от объема работы, каж- дый год наша команда неизменно справляется со всеми труд- ностями, возникающими на ранчо. За пять лет здесь нашли работу десять процентов жителей нашего городка: от госте- вого сервиса до конюхов и животноводов.

Все еще злой на ту парочку в шлепках, я со всей силы хлопнул дверью и сбежал по ступенькам, чуть не наступив на котенка, который любил прятаться в кустах около охотни- чьего дома. Застыл и, глубоко дыша, залюбовался суровой природой Монтаны.

Бескрайнее голубое небо. Зубчатые горные вершины, по- корить которые рискнули бы только самые отважные. После- полуденное июньское солнце палило прямо в лицо, так что даже большая пыльная ковбойская шляпа не спасала от его яростных лучей. Летняя Монтана – поистине райское место.

Расположенное у подножия горы Мидоу, ранчо со всех

⁴ Сморы (*англ.* S'mores) – традиционный походный американский десерт, пред- ставляющий собой крекеры с жаренным на костре кусочком маршмеллоу посе- редине.

сторон было окружено густым национальным лесом⁵. Вдалеке над входом висела сделанная на заказ металлическая вывеска «Ранчо беглецов». Семнадцать тысяч акров нетронутой дикой природы.

Раньше я бы назвал своим домом Джорджию, но не теперь.

Ресуррекшен⁶, штат Монтана, – вот где я почувствовал себя как дома. И до чего же я любил это место.

Под хруст гравия я шагал по территории, мысленно пометая, что нужно подлатать или подновить. Один столбик забора покосился. А вон там разрослись сорняки. Я подобрал с земли кусачки и бросил их на клумбу, чтобы забрать позже.

Для меня ранчо по укладу жизни походило на церковный приход. Мы стремились сделать так, чтобы и работники, и гости чувствовали себя одной большой семьей. Регулярные обходы. Труд от рассвета до заката. Перегон скота. Объездка лошадей.

Ранчо, лошади, родео⁷ – это у меня в крови. Я так вырос – у моих родителей было одно из самых успешных хозяйств по разведению лошадей и обучению верховой езде в Штатах. Десять лет назад я соревновался с младшим братом Уайет-

⁵ Национальный лес (*англ.* national forest) – один из видов федеральных земель в США.

⁶ Название города (Resurrection) в переводе с английского означает «воскрешение» (*прим. ред.*).

⁷ Родео – традиционный вид спорта в Северной Америке, представляющий собой состязания ковбоев в езде на оседланном или неоседланном коне или быке.

том на родео.

В мои двадцать четыре у меня было все.

Любимая женщина, титулы, призовые выигрыши, планы на будущее.

Пока я не потерял все разом.

Смерть невесты подкосила меня, перевернула жизнь с ног на голову.

Я делал все возможное, чтобы забыть о гибели Мэгги. Пил без просыпу. Клял бога на чем свет стоял. Пытался продать каждую лошадь, вплоть до последней клячи, пока отец не остановил меня. Спустя полгода я понял, что больше не могу оставаться в Уайлдхарте. Каждый дом, каждый переулок напоминал о Мэгги. Ручей, у которого мы целовались на рассвете. Наша семейная арена для родео, где она погибла. Еще одна грустная улыбка ее матери в овощном или случайно найденная заколка в грузовике – и я бы спрыгнул с моста Джексон-стрит.

Нужны были новые воспоминания. Новое место.

Нужно было как-то дальше тащиться по этой разломанной дороге, которой стала моя жизнь, иначе я бы окончательно развалился на части.

Так я потерял себя.

А затем вернулся к жизни. В Ресуррекшене.

Спонтанно купил землю под ранчо.

Но затем понял, что это не особо помогло. Впервые за пять лет мне нужно было идти по жизни в одиночку. Без

Мэгги. Я был ходячей болью, от которой несло бурбоном. Не описать, как сильно я скучал по ней. Как отчаянно мечтал вновь услышать ее голос, дотронуться до нее, ухватить копну огненно-рыжих волос, которую она считала своей изюминкой, а я – своим спасением.

В конечном счете мои братья, все с разных концов страны, переехали вслед за мной.

Первым оказался Уайетт. Спустя две недели он уже лопнул ко мне в дверь.

– Сам ты не справишься, – заявил он и остался со мной.

Год спустя приехал Форд, а еще через год – Дэвис.

Именно его идеей было превратить этот заросший участок земли в действующее ранчо.

– Значит так, – начал он в своей привычной суровой манере военного. – Ты можешь ныть всю оставшуюся жизнь, но мы, черт побери, собираемся начать зарабатывать.

Что мы, собственно, и сделали.

«Ранчо беглецов», братья и Ресуррекшен спасли меня.

Но иногда все так бесило.

Шипение рации прорезало безмятежную тишину леса.

– Чарли? – донесся из динамика низкий голос Дэвиса. – Ты здесь?

– Ну а где еще мне быть, – ответил я раздраженно.

– В чем дело?

Семья из пяти человек, все в ковбойских шляпах, визжала и показывала пальцами на изумрудно-зеленое пастбище для

лошадей. От этого звука у меня по коже побежали мурашки, и я стиснул зубы покрепче, чувствуя нарастающее раздражение.

– Слишком много людей.

– Но они-то нам и нужны, – отрезал брат в ответ. – Благодаря им нам есть чем платить по счетам. Или ты забыл, кого из нас угораздило купить это чертово ранчо?

Я недовольно потер лоб – и зачем он напомнил.

– Да и потом, людей здесь скоро может не остаться.

Я нахмурился:

– О чем речь?

– Поднимай зад и дуй в Кабинет. Там расскажу.

Боже. Что еще случилось?

– Уайетт. Форд, – сказал Дэвис, прежде чем рация снова затрещала – на той же волне, на которой мы говорили. – И вы тащите свои задницы сюда.

Я свернул направо, перестроив маршрут, и направился к Кабинету – крошечной постройке из гофрированного металла, которую мы используем в качестве штаб-квартиры. Кабинет находится прямо в центре ранчо, неподалеку от охотничьего дома, что очень удобно – мы можем заниматься бумажной работой и отслеживать перемещение туристов одновременно.

Зайдя через раздвижную гаражную дверь, я с порога увидел собаку Дэвиса, малинуа по кличке Кина, которая была занята тем, что рвала в клочья коробку в углу. Она вздрог-

нула при моем появлении и залаяла. Почесав ее за ухом, я толкнул в знак приветствия Дэвиса – тот сидел за компьютером в одной из его типичных футболок с аббревиатурой USMC⁸, синих джинсах и ботинках. На экране было видео, поставленное на паузу. Судя по напряженным мощным плечам брата, он находился в режиме боевой готовности.

В свои тридцать пять Дэвис отличался от своего брата-близнеца Форда настолько, насколько это было вообще возможно. Как внешне, так и по характеру. Высокий, накачанный, ветеран морской пехоты, с решительным взглядом темно-карих глаз, Дэвис выглядел тихим и сосредоточенным – сама серьезность и ответственность.

Совладелец «Ранчо беглецов» и глава службы безопасности, а по совместительству и руководитель поисково-спасательных операций в округе Каскейд, Монтана, Дэвис отвечал за безопасность на ранчо. Любому, кто рискнул бы обмануть его, я бы посоветовал или застрелиться самому, или молиться.

Не отрывая глаз от экрана, брат сказал:

– Ты слышал, сестра родит со дня на день?

– Ты для этого меня сюда позвал? Рассказать об Эмме-Лу?

Наша младшая сестренка была беременна, и со дня на день мы ждали рождения близнецов.

Я попытался сбросить напряжение и прогнать прочь тре-

⁸ United States Marine Corps (USMC) – корпус морской пехоты Соединенных Штатов.

возможные мысли. После смерти Мэгги я старался не быть чрезмерно заботливым кретином по отношению к семье. Гнал это чувство из серии «а вдруг что-то случится, и я ничем не смогу помочь».

– Да нет же. Сейчас Уай и Форд придут, и начнем. – У брата на виске пульсировала вена. – Система безопасности легла. Весь день пытаюсь ее починить. Уже заказал новую. – Он отодвинулся от стола и посмотрел на меня. – Современнее и лучше.

Я выдохнул. Ничего нового. Система безопасности ранчо всегда висла, с самого первого дня. Но мы приняли общее решение: поставим камеры только в охотничьем доме, конюшне и на воротах. Нечего пугать гостей или нарушать их личное пространство камерами в домиках. А идея оградить нас со всех сторон электрическим забором – вообще полная чушь.

Сжав челюсти, я сел на край стола и осмотрелся. Наш так называемый Кабинет выглядел как после ядерного взрыва. Неоплаченные счета, разбросанные по всей комнате. Неразборчивые каракули на бумажках с заказами на поставку, которые нужно было вбить в компьютер. Коробка с патронами, стоявшая слишком близко к обогревателю. На одной из стен висела доска с дротиками – отличный способ решения споров или распределения обязанностей.

– Кто вляпался на этот раз? – Я пристально посмотрел на Дэвиса. Мой суперправильный брат обычно был само спо-

койствие. Но я знал его достаточно хорошо, чтобы понять, когда он злился. У него дергалась челюсть – наш семейный тик, который выдавал его. – Форд или Уайетт?

– А почему не ты?

Прежде чем я успел подобрать слова, вместо того чтобы показать средний палец в ответ, в дверях прыжком появился Уайетт.

– Здорово, придурки, – радостно поздоровался он, в привычной манере растягивать слоги. С ног до головы в пыли, он вернулся в город напрямиком с родео в Калгари.

Уайетту было тридцать два, на два года меньше, чем мне. Все мужчины в семье Монтгомери – высокие и широкоплечие, но мы с Уайеттом были похожи друг на друга больше, чем если бы родились близнецами. Такая же ухмылка, те же голубые глаза. Двукратный чемпион по езде на оседланной дикой лошади, он работал на ранчо и подрабатывал тренировками молодых ковбоев в несезон.

Дэвис внимательно оглядел брата:

– Не пострадал?

Я фыркнул. Если бы Уайетта беспокоила каждая сломанная кость или место, куда его боднули, он бы уже давно бросил это дело.

– Разве что мой рекорд.

Я закатил глаза. *Самоуверенный засранец.*

Уайетт глянул на меня и присвистнул:

– Боже, Чарли, ты выглядишь как загнанный конь. Ты что,

совсем не отдыхал, пока меня не было?

Словно защищаясь, я скрестил руки на груди и буркнул:

– Не нужен мне никакой отдых, – с усилием пытаюсь вспомнить, когда в последний раз уезжал в город не по делам, а чтобы развеяться.

Уайетт сел и закинул грязные ботинки на стол.

– Может, разделаемся со всем этим побыстрее и выпьем уже?

Младший брат ненавидел деловые разговоры. Он бы с большой радостью выбрал езду в седле или кулачные бои, в отличие от меня. Несмотря на свою ковбойскую натуру, за то время, что не выступал на родео, я успел получить образование в сфере бизнеса. И даже не думал, что оно так пригодится при обсуждении контрактов с поставщиками и управлении расходами.

– А ну быстро убрал свои гребаные ботинки со стола, – рывкнул я на Уайетта и подвинул в его сторону кипу бумажек. – И разберись с этим.

– Чарли прав, – гаркнул Дэвис.

– Засранцы. Вы оба, – заворчал Уайетт, с гулким стуком сбросил ноги на пол и без особого энтузиазма сложил бумажки в ровную стопку.

Буквально в этот момент зашел Форд по локоть в черной автомобильной смазке.

Он схватил стул, развернул его и плюхнулся рядом со столом.

– Вызывали? – обратился он к Дэвису.

Дэвис выглядел раздраженным, а я с трудом сдерживал ухмылку. Злить Дэвиса – отдельный вид удовольствия, и лучше всего это удавалось Форду, его близнецу.

Бывший профессиональный питчер бейсбольной команды «Финикс Ренегейдс», Форд был таким же стройным и поджарым, как и Уайетт. Та же страсть к адреналину. В мире не так много людей, которые любят свою работу, но Форд один из них. И когда мы давали ему выходной, он дико злился.

Не хватало только Грейди, нашего *младшенького*. На шесть лет младше меня, прошлым летом он решил уехать в Нэшвилл, попытать удачу в музыке с небольшой помощью нашего шурина и басиста группы «Бразерс Кинкейд» Джейса Тейлора.

– Отлично, – кивнул Дэвис. – Все здесь.

О да, где же еще.

Прошло уже десять долгих лет, а они так и не согласились уехать.

Но если бы не братья, я бы до сих пор не пришел в себя.

Один за другим, они все приехали, чтобы помочь мне как-то собрать себя в кучу. И да, черт возьми, я мучился чувством вины.

Они отказались от своих жизней, чтобы построить заново мою. И теперь мы все здесь застряли.

Иногда мне казалось, что я все испортил.

Иногда я думал, что нам было бы лучше без этого ранчо, чтобы каждый мог жить своей жизнью.

– Готовы? – Резкий голос Дэвиса разнесся по всему Кабинету. Он включил ютуб. – Держите ваши шляпы покрепче.

И громко клацнул по клавише. Спустя пару секунд началось видео; я подошел ближе к монитору. Кто-то из посетителей снимал Форда вместе с группой туристов на одной из привычных экскурсий по территории. На фоне абсолютной утренней тишины было слышно, как он лениво показывал, как нужно садиться верхом на мерина по кличке Иефус⁹.

– Вот черт, – оживился Форд. – Это вчера было.

Дэвис сухо взглянул на брата-близнеца:

– Что-то не так?

Форд изменился в лице.

У меня живот скрутило узлом. Дело дрянь. Сейчас что-то будет.

Платиновая блондинка на видео, в дорогих черных шортах и белом поло, натянула на себя поводья, когда попыталась забраться на коня, но у нее ничего не вышло.

За кадром послышался смех.

Форд, демонстрируя всем ослепительно-белую улыбку, развязно подошел к даме.

– Послушайте, мэм. Вижу, у вас возникли некоторые трудности. Позвольте вам помочь.

– Я умею, спасибо. – В ее голосе сквозило высокомерие. –

⁹ Имя коня – это также название одной из подач в бейсболе (*прим. ред.*).

Я всю жизнь езжу верхом.

У Форда дернулась челюсть, но он сохранил спокойствие, молча наблюдая за тем, как женщина ставит ногу в стремя. И тогда Иефус пустился вскачь.

На секунду она повисла на коне, визжа и пытаясь ухватиться за рожок седла. После этого женщина приняла наиглупейшее решение и начала хлестать коня поводами. Жестко.

Уайетт в ужасе вздохнул.

Я испытывал схожие чувства. Каждый, кто разбирался в лошадях и любил их так, как мы, прекрасно знал, что такие действия – верная гибель. Она не привлекала внимание коня, а только причиняла ему боль.

Женщина попыталась вскарабкаться на Иефуса – ничего не вышло – и громко упала. Конь ускакал прочь.

Форд рассмеялся.

Не только на видео, но и стоя в Кабинете. Он и Уайетт начали гоготать.

– Боже! – воскликнул Форд, ударив по колену. – Во второй раз это еще смешнее.

Я было собрался спросить Дэвиса, из-за чего он развел столько шума, когда Форд на видео крикнул несчастной, сидящей в луже грязи: «Ну что ж, дамочка. Поднимайте свою грязную задницу и давайте прокатимся».

Толпа ахнула. Женщина заплакала. А Форд стоял там, скрестив руки, и смотрел на нее со смесью нетерпения и ве-

селя.

Дэвис поставил видео на паузу.

Я тихо выругался, прежде чем медленно повернулся к Форду и сказал:

– Ты серьезно сказал ей, чтобы она подняла *свою грязную задницу*?

– Это действующее ранчо, братишка. – Форд вперил в меня взгляд, так и нарываясь на ссору. Между нами был всего год разницы, но Форд и Дэвис любили пользоваться этим, чтобы вывести меня из себя. – Это не какой-то глэмпинг. И гости приезжают не за солнышком и радугой. А за ковбоями, грязью, пылью, и если им это не по вкусу, пуская валят обратно в свой Нью-Йорк, Лос-Анджелес или откуда там они.

– Но она не пострадала, – отметил Уайетт, бросив на меня тревожный взгляд. – Они все подписывают согласие, которое освобождает нас от ответственности. Они не могут засудить нас.

– Не могут, – вмешался Дэвис. – Но это видео теперь по всему ТикТоку. Оно завирусилось.

Я нахмурился:

– А что, черт возьми, такое «ТикТак»?

Уайетт прыснул:

– ТикТок. Соцсети, приятель. Медиа будущего.

Пара кликов – и Дэвис открыл на компьютере новое окно. ТикТок.

– Вот... – Он показал аккаунт, с которого было опублико-

вано видео. Пользователь *Lassomatav76*. – Почитай черт-вы комментарии.

Две тысячи четыреста восемьдесят три комментария.
Мы прильнули к монитору.

#бойкотРанчобеглецов

Вам конец.

Спасибо, что показали свое настоящее лицо.

КОШМАР.

#отменаковбоев

Отвратительна даже мысль, что вы можете так обращаться с людьми!!!

От бешеного потока негативных реакций меня захлестнул гнев. Я ничего в этом не смыслил. Технологии не стоили траты моего времени, особенно когда мне нужно было следить за ранчо и ухаживать за животными. Было глубоко плевать на людей, которые раскрывали свой рот, даже не думая о том, заденут кого-то их слова или нет. Они даже не пытались посмотреть на ситуацию с разных сторон. Единственное, что их заботило, – это сплетни. Жажда мести. Тоже мне, клавиатурные борцы за справедливость, занозы в заднице.

Форд провел рукой по грязным светлым волосам, которые закручивались в кудри у ушей и на затылке.

– Кучка вздорных Карен¹⁰, – пробормотал он.

¹⁰ «Карен» – популярное сленговое выражение в англоязычном ТикТоке, которое означает не имя, а человека, который ведет себя высокомерно, иногда расистски по отношению к другим. Это уничижительное нарицательное слово обычно обозначает женщину средних лет, как правило, блондинку, которая считает себя

– Вот дерьмо. – Уайетт отпрянул от экрана, как будто эти комментарии дали ему пощечину. – Призывают устроить бойкот ранчо. Вот ублюдки.

Дэвис нервно дернул головой, читая посты.

– Нам изначально не нужно было заниматься всей этой хренью с ведением соцсетей.

Я потер висок от его резкого замечания. Старший брат всегда был чем-то вроде слегка раздраженного голоса разума.

– Я говорил с Тиной. – Грубый голос Дэвиса звучал серьезно. – У нас уже четыре отмены бронирования.

Слова брата звоном отозвались у меня в ушах. Я поднял глаза к потолку.

Только этого не хватало.

Началась только первая неделя сезона. Дела шли не то чтобы блеск, но мы справлялись. Каждый год мы вкладывали в эту землю и животных свою кровь, пот и деньги, и не может быть, чтобы одна истеричная дамочка пустила все ко-ту под хвост.

Я уже устал от страха потерять посетителей, репутацию, деньги.

В последний раз я взглянул на видео и выключил компьютер.

Гребаные соцсети.

Дэвис прищурился и посмотрел на Форда:

– Я не в восторге от твоего поведения, засранец.

Форд открыл рот, чтобы ответить, но Уайетт вскочил со стула, готовый уладить назревающую ссору. Несмотря на то что мой младший брат всегда первым провоцировал конфликты, он же первым их и прекращал.

– Да ладно вам. Давайте лучше выпьем.

Я потирал бороду, мысленно составляя список имевшихся проблем.

Уайетт поднял палец.

– Знаю я этот взгляд. Никуда ты от нас не денешься. Сегодня пятница, приятель. – Он кивнул на Форда и усмехнулся. – Нет, ну ты можешь поверить? Этот парень возится только со своими лошадьми, хотя у него есть три лучших на свете брата.

Я обреченно вздохнул, когда Форд хлопнул меня по плечу и повел на улицу. Кина преданно трусила за Дэвисом. Братья не отстанут от меня, так что пришлось просто смириться.

Я встретился с нетерпеливым взглядом Уайетта и кивнул ему:

– Идем в бар «Никуда»?

Он хохотнул:

– Именно. Идем в «Никуда».

3. Чарли

В висках стучало от раздражения, когда официантка с грохотом поставила кружки с ледяным пивом на наш стол. Из музыкального автомата доносились мелодии аутло-кантри¹¹ на фоне громкой толпы байкеров из мотоклуба «Хор мальчиков», бывших стражей порядка, которые хлестали шоты в углу.

Идти в бар «Никуда» было плохой идеей. Все в городе уже успели посмотреть злосчастное видео. К счастью для нас, местные были на нашей стороне. К несчастью для меня, каждый хотел высказать свое мнение или дать мудрый совет.

Скут, одержимый теорией об апокалипсисе, наклонился к столу с таким видом, будто знал все тайны этого мира:

– А я говорил, говорил, говорил тебе, Чарли, что вам нужно досматривать этих людей. Они только и хотят, что доставить вам головную боль. Отбирайте у них телефоны при заселении. Введите комендантский час. Говорю тебе, приятель, пора построить убежища.

– Чтобы что? – усмехнулся Дэвис с ледяной кружкой пива

¹¹ «Кантри вне закона» (*англ.* outlaw country) – поджанр американской кантри-музыки, созданный небольшой группой исполнителей в 1970-х и начале 1980-х годов в ответ на чрезмерную коммерциализацию и стандартизацию традиционного кантри. Характерно возвращение к более ранним жанрам и живое минималистичное инструментальное звучание.

у рта. – Объясни-ка Чарли поподробнее. Мне кажется, он не понял.

Я бросил на брата свирепый взгляд и не успел предложить ему придумать свое гребаное решение проблемы, как Уайетт плюхнулся за стол с порцией шотов.

Биф, грузный бармен с бритой головой и длинной черной бородой, перегнулся через стойку. Размахивая бутылкой водки в руке, как кувалдой, он обратился к брату:

– Уайетт, видишь это? – Он показал на доску, висевшую на стене рядом с фото Клинта Иствуда с автографом. Поперек было угрожающе написано: «ДНЕЙ БЕЗ ДРАКИ – 50». Именно столько времени Уайетт был на родео. – Предупреждаю, обнулишь мой рекорд, и я лично вышибу твой зад отсюда.

Таков был местный закон каждые выходные. Разгульная и жестокая жизнь. Выпивка. Драки. И так по кругу. До конца жизни.

Здесь, в Ресуррекшене, Дикий Запад продолжал жить.

Местный бар «Никуда» находился в шумном внутри и обшарпанном снаружи здании бывшей аптеки в конце Мейн-стрит. Последняя остановка перед тем, как окончательно слететь с катушек. Если вам хочется выпить в спокойном безопасном месте, отправляйтесь в «Шпору» в историческом отеле «Баттерворт».

Посторонним здесь не рады.

Знаю по опыту. Когда мы с братьями переехали сюда, нам

пришлось столкнуться с сопротивлением местных. И только десять лет спустя мы прошли проверку и стали своими.

– Чтобы никаких драк сегодня, усек? – пригрозил Уайетту Дэвис, взявший на себя роль местного вышибалы, после чего ткнул пальцем в меня: – К тебе это тоже относится.

Мы с Уайеттом обменялись ухмылками. Если Уайетт выступал в роли зачинщика драки, то я всегда был готов подставить плечо младшему братишке. Так что у Форда и Дэвиса просто не оставалось возможности остаться в стороне. Не то чтобы Дэвис дрался с большим рвением. По натуре раздражительный, он со скучающим видом махал кулаками.

– Нам и так сейчас хватает проблем из-за того видео, – вставил Форд.

Уайетт удивленно поднял бровь:

– А по-моему, проблем хватает не нам, а тебе.

Форд нахмурился при этом напоминании. Последнее, что нужно было моему брату, – еще больше негатива в прессе. Еще одно видео, которое будет преследовать его.

– Мы все по уши в дерьме из-за гребаного ранчо. – Дэвис провел рукой по темным волосам и почесал плечо, в которое словил пулю, когда служил в морской пехоте. Ранение, из-за которого ему пришлось демобилизоваться и отправиться напрямик в Ресуррекшен, чтобы стать моей нянькой.

– Болит? – спросил я, понизив голос.

– Да не особо. – Дэвис скрестил руки с совершенно беспристрастным лицом.

– Я уже говорил об этом и повторю еще, – начал Уайетт. – Толку от того, что тебя подстрелили, если ты не можешь об этом рассказывать?

Нескончаемое любопытство брата по поводу ранения напрыгало Дэвиса. Он никогда не рассказывал нам, через что ему пришлось пройти в бою. Дэвис вообще не откровенничал с нами по этому поводу.

– Выпей, – настаивал Форд, его карие глаза сверлили брата. Он подвинул в сторону Дэвиса рюмку с текилой. – Лучшее лекарство.

Дэвис поворчал и выпил ее залпом.

Было ясно, что эти двое общались только на им понятном языке близнецов.

Уайетт опрокинул стопку и пожаловался:

– Я вел себя нормально целых два месяца. – Может, он и был тусовщиком, но когда дело касалось ранчо, никогда не валял дурака. Единственное место в мире, где он был готов играть по правилам. – Я не говорю, что стану паинькой. Потому что, если братья Вулфингтон снова покажут свои уродливые физиономии, я им их начищу. – В глазах Уайетта промелькнула ярость. – Я знаю, что моя лошадь на их долбаной земле.

Мы с Дэвисом вместе выдавили один и тот же страдальческий вздох.

Вулфингтоны были нашим проклятьем с тех пор, как мы приехали в город. Они пришли в бешенство, когда узнали,

что Стив Макгроу продал землю пареньку из Южной Джорджии, в то время как местные из кожи вон лезли, чтобы купить ее. В отместку они украли у Уайетта чалую лошадь, стоимостью целое состояние, и так и не вернули ее. Вот мы и вступили с ними в некоторое противостояние, которое, если Уайетт продолжит гнуть свою линию, продлится дольше, чем у Хэтфилдов и Маккоев¹².

Форд проворчал с раздражением в голосе:

– Да забудь ты уже про эту лошадь, Уай.

Но тот не слушал его, потирая руки в безумном восторге:

– Это будет моя двадцатая драка в баре, приятель.

– Вы слышали? – раздался знакомый хриплый голос. – У

Уайетта появилось новое прозвище – Неандерталец.

На лице брата наметилась злость, когда недалеко от стола показалась Фэллон Макгроу. Вздорная и злобная дикарка, дочь Стива Макгроу, бывшего наездника на быках.

– Уж лучше твоих. – Он начал загибать пальцы. – Неуправляемый хаос. Ад на колесах. Сплетница высшей степени. Ходячая катастрофа...

Дэвис стукнул по столу кулаком, как всегда, выступая барометром нравственности:

– А ну прекрати, придурок.

Фэллон усмехнулась, явно довольная комплиментами

¹² Вражда Хэтфилдов и Маккоев (1878–1891) – противостояние двух американских семей, проживавших на границах штатов Западная Виргиния и Кентукки.

Уайетта.

– Флиртуешь со мной, Уайетт? Уже? – Уголок ее рта приподнялся. – Продолжай в том же духе. Как ты умеешь.

Уайетт выдавил сухой смешок, но я заметил, как сильно он сжал челюсти.

Хотя Фэллон и Уайетт выступали на родео в разных категориях, на протяжении многих лет между ними шло идолотское соревнование: кто сможет завоевать главный приз в году. Как правило, они были готовы вцепиться друг другу в глотки, но брату нужно было проверить голову, если он наивно полагал, что кто-то верит этим его «*Я терпеть ее не могу*».

Форд ухмыльнулся и сложил пальцы, имитируя выстрел в сторону Фэллон. За прошедшие десять лет она стала для нас младшей сестрой, которую нравилось доставать.

– Мужик в юбке вернулся в город.

– Как раз сегодня приехала, вместе с Уайеттом. – Фэллон подняла перевязанный средний палец. – Только один сломанный палец.

– Удачный выбрала, – заметил я.

– В следующий раз я дам этой лошади морковку, чтобы ты шею свернула. – Уайетт скрестил руки и откинулся на стуле.

– У меня еще четыре жизни в запасе, детка, – съязвила Фэллон.

Форд поднял бровь:

– А куда делись первые пять?

– Не твое дело.

– Всего один безобидный вопрос, и ковбойша уже на взводе, – пробормотал Форд.

Фэллон обошла стол, словно прикидывая, кого из нас пырнуть вилкой, и в итоге села рядом со мной. Я чувствовал прикованный к Фэллон взгляд Уайетта.

– Чарли, мой папочка хотел бы поговорить с тобой завтра.

Я шумно вздохнул, мне захотелось оказаться где угодно, но только не здесь. Час от часу не легче.

Фэллон хихикнула и положила татуированную руку мне на плечо. Набитый рукав сверкал так ярко, что мог бы осветить весь бар.

– Расслабься. Не из-за видео. Хотя... – Ее глаза сузились и посмотрели в другую сторону. – Форд, тебе не мешало бы научиться хорошим манерам.

Форд хмыкнул и показал неприличный жест в ее сторону.

– Где завтра найти Стида? – спросил я. – В пекарне на углу или в больнице?

Взгляд карих глаз Фэллон затуманился.

– В больнице. – Она подняла руку, попыталась размять пальцы и направилась к музыкальному автомату. – Увидимся, засранцы.

– Боже. – Уайетт вздрогнул, не сводя взгляда с Фэллон, присоединившейся в группе девушек, играющих на музыкальном автомате. Меня насмешил его взгляд преданной со-

бачонки. – Она же как Джордж Джонс¹³ в юбке.

– Зачем, ты думаешь, Сид тебя позвал? – Форд поднял руку, чтобы заказать еще выпивки.

– Без понятия. Завтра узнаю, – буркнул я.

– Пойти с тобой? – спросил Дэвис.

– Не надо, – поспешил я успокоить его. Мои братья и так сделали достаточно для меня. – Я сам.

Это моя работа. Мое ранчо. Так что я должен был справиться.

– Так, ну и за кем сегодня приударит Чарли? – весело протянул Уайетт, отвлекая меня от собственных мыслей.

Подняв взгляд от пива, я заметил, что брат, нахмутив брови, изучает море женщин вокруг.

– Ни за кем, – буркнул я, оглянув бар краем глаза. Ни за какие коврижки меня было не заставить дотронуться хоть до одной из местных девчонок. Слишком много эмоций, слишком много работы.

И пускай прошла уже вечность с тех пор, как у меня кто-то был. Года два, не меньше.

После целого дня пахоты на ранчо единственное, на что у меня хватает сил, – это подрочить и принять холодный душ.

Долгое время потеря Мэгги отдавалась постоянной болью. Но с годами она превратилось в тупое чувство принятия. Боль стала привычной. Я никогда и не думал двигаться даль-

¹³ Джордж Джонс (*англ.* George Jones; 12 сентября 1931–26 апреля 2013) – один из наиболее известных вокалистов в истории кантри-музыки.

ше, не потому что не мог, а потому что просто не хотел.

Со смерти Мэгги я ни в кого ни разу не влюбился. Секс – это одно, но что насчет любви? Я и не искал ее.

Если я снова мог ее потерять.

Снова собирать себя по кускам.

У меня были братья, которые переживали за меня.

Единственное, что важно, – это семья.

Из груди вырвался сдавленный стон, когда Уайетт продолжил свою игру «найди Чарли девушку на ночь»:

– Не переживай, Чарли. Я уже заметил для тебя парочку.

Я нехотя потягивал пиво:

– Я уже не в том возрасте, чтобы столько пить.

Форд откинулся на спинку стула и рассмеялся:

– Хочешь сказать, что стал ворчливым стариканом?

– А у тебя часом завтра не выходной? – напомнил Дэвис.

С желанием заткнуть их всех я бросил грозный взгляд на Уайетта, как бы намекая, что готов воспользоваться своим положением старшего брата:

– Чья бы корова мычала. Ты разве не встречаешься с Шинной Вулфингтон?

Уайетт провел рукой по лохматым каштановым волосам, переводя взгляд на Фэллон, которая сидела так далеко от нас, что казалось, она даже дышала другим воздухом.

– Приятель. Заткнись на хрен.

– Придунок, – пробормотал я.

Шум в баре нарастал. Байкеры из «Хора мальчиков» ру-

бились в шаффлборд¹⁴, то и дело выкрикивая ругательства. Я наблюдал через окно, как темнело небо по мере того, как солнце закатывалось за горизонт.

И тут одновременно произошли три вещи.

Первая: заело музыкальный автомат. Припев Мерла Хаггарда¹⁵ неуверенно дребезжал, пока Фэллон, выругавшись, колотила по автомату.

Вторая: в бар вальяжно зашли Лайонел и Клайд Вулфингтоны.

Уайетт вскочил со стула. Биф за стойкой предупреждающе крикнул, тыча пальцем на счет на меловой доске, что явно было бесполезно.

Третья: дверь снова распахнулась, пропуская внутрь солнечный свет.

Я моргнул. Нет, это было не солнце. А девушка.

Хрупкая, маленькая. В ярко-желтом сарафане, облегавшем стройные бедра. Большие, как у лани, синие глаза. Пухлые губы. Тонкие, как у эльфа, черты лица. Густые блестящие розово-золотистые волосы до плеч. А в руках картонная табличка «Требуется помощник», которую повесил Биф, после того как повар напал на него с консервным ножом в прошлом году.

¹⁴ Шаффлборд (*англ.* shuffleboard, shuffle-board) – игра на размеченном столе или корте с использованием киёв и шайб.

¹⁵ Мерл Рональд Хаггард (*англ.* Merle Ronald Haggard; 6 апреля 1937–6 апреля 2016) – американский певец, композитор и легенда жанра кантри.

Настроение в баре вмиг переменялось. Пускай разговоры и шум не стихли, но все взгляды были прикованы к незнакомке. Нарушительница спокойствия в Ресурректшене.

Словно кто-то уронил полевой цветок на гравийную дорожку.

– Ну и ну, – присвистнул Форд, почти улегшись на стол, как хищник, высматривавший жертву.

Он обеспокоенно глянул на Дэвиса, который тоже напрягся. Уайетт, ничего не замечая, продолжал подтрунивать над Лайонелом.

Я провел рукой по волосам, по бороде. Во рту пересохло. *Черт. Я пропал. Ну повернись же.*

Но она стояла к нам спиной.

Мне ничего не оставалось, как наблюдать за незнакомкой, которая проталкивалась через толпу с выражением легкого страха в глазах. В остальном она выглядела спокойной и собранной – плечи расправлены, взгляд твердый, – как будто каждый день проводила в таком аду и ей было абсолютно наплевать.

– Смело. – Дэвис был впечатлен.

Форд приподнял бровь:

– Именно так.

Уайетт, наконец осознав, что он один продолжал подшучивать над Вулфингтонами, обернулся и посмотрел по сторонам. Его взгляд остановился на девушке, и он присвистнул:

– Кто это у нас тут такая красотка? Настоящая диснеевская принцесса.

Я недовольно нахмурился.

Этой девушке было здесь не место. В нашем городе. В нашем баре. Особенно потому, что она могла пострадать.

Но я не мог ничего поделать с собой. Продолжал смотреть на ее длинные загорелые ноги, пухленькие губки, похожие на бутон розы, нежный изгиб бедер. Проще говоря, она была чертовски обворожительна.

Она практически пролетела мимо нашего стола. Но я успел уловить аромат ее духов. Боже, так вот как она пахла? Клубникой? Такая малютка? Если бы я взял ее на руки, то она что? Не достала бы мне и до плеча?

Господи. Чарли, соберись.

Даже Дэвис, наш джентльмен, крутил головой так, как будто из него изгоняли демонов. Я схватился руками за стол. Только чтобы удержаться и не остановить голову брата, возвращая ее на место.

Да что, черт возьми, со мной творилось? Срочно нужно было с кем-то переспать, иначе я был похож на какого-то озабоченного подростка.

Вот девушка уже у стойки, пытается привлечь внимание Бифа. Он рывкнул на нее, сверля злобным, как у гремучей змеи, взглядом. Но она не шелохнулась, очаровательный ротик шевелился. А табличка в руках тряслась. Что она здесь делала? Понятно, что ей нужна была работа, но что она за-

была здесь, в Ресуррекшене?

Толпа так и норовила схватить, зацепить ее по мере того, как она проталкивалась через зал вслед за Бифом. Я пытался отвести взгляд, не смотреть, как она, слегка морщась, потирала кожу у грудной клетки, как стали пунцовыми щеки.

Напугана. Вот теперь она была напугана.

Ковбойский кодекс гласит: надо помочь ей.

Помочь выбраться отсюда и уехать куда подальше.

– Черт.

Чуть толкнув Дэвиса, я отодвинул стул. Трудно это все было.

Но кто-то должен был спасти диснеевскую принцессу с глазами олененка, прежде чем ее съедят заживо в этом баре.

4. Руби

Стоило мне уловить запахи выдохшегося пива и звуки кантри, как я поняла, что оказалась на небесах.

Ресуррекшен, Монтана.

От одного только названия воображение рисовало крутых ковбоев, в которых стреляли на улицах, и девиц в шелковых подвязках, стоящих на балконе салунов¹⁶ в надежде на бурную ночь.

Уже по виду бара становилось ясно, что он недалеко ушел от тех времен. Байкеры в кожаных жилетках, татуированные девушки у музыкального автомата. Сурово и пыльно, все как я и хотела.

Мой выбор пал на Ресуррекшен из-за названия. Уверена, основатели города хотели, чтобы он навевал мрак и ужас на местных, но в меня же, напротив, его название вселяло надежду. Подобно растениям, бутоны которых после цветения увядали, но сами они продолжали жить. Мейн-стрит очаровала меня маленькими магазинчиками и историческими зданиями, все в духе Дикого Запада. А горы. Их зубчатый хребет – само воплощение безмятежности на земле.

Знакомство с новым местом – небыстрый процесс. Но я не могла дожидаться, когда этот город станет моим, пусть и

¹⁶ Салун (*англ.* saloon) – традиционное название американских баров, существовавших в западной части страны во времена Дикого Запада.

на короткое время.

Но это я отложила на завтра.

Завтра я собиралась найти врача, который продлил бы мне рецепт на лекарства, и затем можно было бы заняться поиском жилья. А сегодня вечером предстоял поиск работы.

Я вновь попыталась привлечь внимание бармена. Он открыл бутылку пива и с угрюмым видом принялся смешивать с виски и колой.

– Извините... – Я встала на цыпочки и еще раз помахала объявлением. – Мистер... э...

– Биф. – Его голос оказался на удивление хриплым.

– Биф. Конечно. – Вдох. – У меня тут объявление, где написано, что вы ищете работников, так вот... – Он резко двинулся в другую сторону барной стойки, оставив меня в растерянности.

Вот гад. Я стояла, притоптывая ногой, и думала, что делать дальше.

Не позволю захлопывать перед собой двери.

Напротив, я приехала, чтобы распахнуть новые.

Пускай и в шумной забегаловке посреди Монтаны.

Проталкиваясь к Бифу, то и дело натыкаясь животом или ребрами на чей-то локоть, я увидела свое отражение в старом облупленном зеркале, висевшем за стойкой.

Отражение нахмурилось.

Не волосы, а запутанный светло-розоватый клубок. По пути из Денвера в Монтану я ехала с открытыми окнами, и ли-

цо обдавали резкие сухие потоки воздуха. Почти без косметики на лице и пускай совсем не голая, но даже мне казалось, что ярко-желтый сарафан не очень вписывался в барную атмосферу фланелевых рубашек в клетку.

Я была на полпути к Бифу, когда какой-то ковбой в галстук-боло¹⁷ резко вскочил со стула и перегородил мне дорогу.

– Извините. – Я повысила голос, чтобы меня могли услышать. Оттолкнула стул в надежде протиснуться мимо. – Мне нужно только...

– Вам нужно уйти отсюда, – раздался грубый, хриплый голос.

В растерянности я подняла взгляд и увидела нависшего надо мной мужчину размером с гору. Лоб нахмурен, челюсти под темной бородой сжаты.

Со вздохом я раздраженно отодвинула стул:

– Ну я бы так и поступила, если бы смогла пройти...

Прежде чем я успела проронить еще хоть слово, он с силой толкнул стул вперед, прорычал:

– Берт, подвинь задницу. – И владелец стула покатился кувырком через стол, заставленный пивом, так что я оказалась на свободе.

¹⁷ Галстук-боло (ковбойский галстук) – галстук, состоящий из шнурка и декоративного зажима (*прим. ред.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.